

ВЕРОНИКА ДЕСМОНД

Импринт

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д37

Иллюстрация на обложке *Екатерины Матушкиной*

Д37 **Десмонд, Вероника.**
Импринт / Вероника Десмонд ; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (LAV. Темный роман на русском).

ISBN 978-5-17-190156-1

Он Охотник, а я его Призрак.

По нелепой ошибке я попадаю на посвящение в секретный клуб и обращаю на себя опасное внимание богатого наследника, который отказывается меня отпускать.

Кастил Сноу — гениальный программист со всеми признаками психопата, безжалостный монстр и жестокий манипулятор. Он одержим мной — тихой художницей и девчонкой-ботаником.

Я ненавижу Кастила, однако мой личный кошмар невероятно искусен в очаровании.

Сегодня ночью он будет охотиться.

Я думаю, что могу скрыться.

Но Дьявол не остановится, пока не сделает меня своей...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-190156-1

© Вероника Десмонд, 2024
© Е. Матушкина, иллюстрация на обложку
В оформлении макета использованы
материалы по лицензии © shutterstock.com
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Посвящается каждому,
кто неравнодушен к злодеям...*

ПЛЕЙЛИСТ

Giorgio Austin — You put a spell on me
Måneskin — I WANNA BE YOUR SLAVE
The Pierces — Bitch
Nessa Barrett — do you really want
to hurt me
Asking Alexandria — Psycho
Adele — Set Fire to the Rain
MARINA — Bubblegum Bitch
J2 — Crazy in Love
Neoni — DARKSIDE

ГЛАВА 1

МОТИВ

«...But I set fire to the rain
...Но я подожгла потоки дождя,
Watched it pour as I touched your face
Касаясь твоего лица, смотрела, как он льется,
Well, it burned while I cried
Он обжигал, пока я плакала,
'Cause I heard it screaming out your name
Потому что слышала твое имя в нем»

Adele — Set Fire to the Rain

Лондон, Англия.

Призрак

— Уважаемые пассажиры, наш самолет совершил посадку в аэропорту Хитроу. Температура за бортом 59 градусов по Фаренгейту¹, время 16:00. Командир корабля и экипаж прощаются с вами...

Последние несколько дней я только и делала, что думала о возвращении в Англию, но теперь, когда я вижу в иллюминаторе знакомые надписи, размывающиеся под потоком ливня, мне становится дурно.

«Дыши, — приказываю я себе мысленно и использую дыхательную практику. — Вдох, задержать дыхание, длинный выдох. Вдох, задержать дыхание, длинный выдох...»

¹ 59 градусов по Фаренгейту соответствует 15 градусам Цельсия. — Прим. авт.

Помни о причине приезда, Кэт. Ты разберешься со всеми делами и вернешься в Канаду. Такой был план.

Судя по письмам доктора Уилсона, ситуация в клинике совсем плачевная. «Рид Хоспитал» — дело всей жизни моего умершего отца, и я не могла позволить матери разрушить единственное его наследие. Была бы моя воля, я бы и носа не сунула в эту проклятую страну, где каждое здание, каждый запах напоминал мне о...

Черт!

Честно говоря, десятичасовой перелет прошел замечательно. Я слушала музыку, перечитывала «Экспериментальную психологию» Шнейдер, даже успела поспать, но стоило самолету начать снижение, и меня накрыло.

Огромное столпотворение людей лишь усугубляет ситуацию. И я оправдываю себя тем, что моя тревога возникла не на пустом месте. Впрочем, причина была, и она была... внушительной, даже тошнотворной.

Лондон встречает меня хмурым сине-серым небом и бодрящим сырым воздухом. Вылетев из стеклянных дверей Хитроу, я подставляю лицо под капли дождя и делаю глубокий вдох.

— *Почему ты никогда не используешь зонт?*

— *Прекрати меня преследовать!*

— *Ты же знаешь, что я не прекращу. Никогда. Возьми мою толстовку.*

Глубокий хриплый тембр у меня в голове перекрывается чужим, вежливым. Знакомым. Я не сразу осознаю, что обращаются именно ко мне.

— Мисс Рид?

Темнеющее небо скрывается за черным зонтом. Когда я опускаю голову, то вижу Морриса, любезно ожидающего меня с табличкой.

— Что? — бормочу я.

Господи! Да что со мной не так?

— Мисс Рид, садитесь в машину, — громко произносит водитель. В его темных волосах виднеется седина, а вокруг добрых карих глаз появились морщинки. — Это весь ваш багаж?

Я растерянно смотрю на свой единственный небольшой чемодан и киваю. Никогда не видела смысла таскать с собой кучу одежды, а вот книги... книги занимали, пожалуй, большую часть моих вещей.

— Вы... — начинает мужчина, но тут же замолкает.

Семь лет прошло, было так странно видеть мистера Морриса. Наверное, мужчина разделял те же чувства, что и я.

Смятение. Название этого чувства — смятение. И оно будет преследовать меня еще долгое время, я уверена.

— Вы так выросли, — в конце концов говорит мистер Моррис, морщинки вокруг его глаз становятся глубже, когда он улыбается. — Миссис Рид дала четкие указания привезти вас домой как можно раньше. Но, полагаю, вы не намерены следовать ее плану?

Я широко улыбаюсь, наконец приходя в себя, и крепко обнимаю водителя, которого я видела чаще, чем свою мать. Руки мужчины хлопают меня по спине. В нос ударяет терпкий древесный запах парфюма, крепко въевшийся в его коричневое пальто.

Я зажмуриваюсь, на миг возвращаясь в детство, и шепчу:

— Отвезите меня на Джеймс-стрит.

— Конечно, мисс.

Выехав из Хитроу, я снова и снова прокручиваю список действий на ближайшее время. Если повезет, я закончу все дела за месяц. Если же нет... что ж, придется потерпеть.

Я зарываюсь носом в серый пушистый шарф и разглядываю сверкающие огни города. Лондон почти не изменился. И в то же время он стал больше, опаснее... страшнее. Была ли я рада, что вернулась в Англию? Я усмехаюсь, проезжая мимо любимого паба. Яркий красный фасад, встроенный в скучный английский дом, зеленая дверь и надпись: «Пэтти энд Бан». Все же некоторые вещи остаются неизменными.

Я беру еду навынос, прихватив картошку для мистера Морриса. Наконец, мое сердцебиение налаживается, а дыхание становится размеренным. Бургер оказывается просто отменный. Такой, каким я его помню: говяжья

котлета, три ломтика сыра, мало кетчупа и много горчицы. Эта Пэтти определенно знает толк в бургерах.

Мама с сестрой жили в Белгравии — центральном районе Лондона, в шикарном белоснежном таунхаусе, который был давно нам не по карману. Но когда миссис Рид умела правильно расставлять приоритеты?

— Катерина, ты приехала! — Мари встречает меня в гостиной, склонившись над учебниками. На ней строгий серый костюм, словно она собиралась ужинать с премьер-министром Великобритании, а вовсе не со своей сестрой.

Мы виделись совсем недавно: Мари прилетала в Ванкувер во время ее летних каникул. Но, обнимая сестру, я все равно осознаю, насколько же сильно я соскучилась.

— Почему ты так одета? — спрашиваю я, стягивая с себя пальто.

— Мама забронировала столик в «Ормер Мейфор». — Мари поправляет свои светлые волосы, которые я растрепала своей пятерней. — Ты не знала?

Конечно же, нет. Если бы знала, то сразу бы отказалась.

Показываться в элитном обществе сплетников и настоящих заноз в заднице — последнее, что я собиралась делать в день своего приезда. Однако маму это, по всей видимости, не заботило.

— Ты приехала! — восклицает миссис Рид, спускаясь по витой лестнице. Ее обесцвеченные волосы идеально уложены, а худую фигуру обтягивает черное платье-футляр. Она целует меня в обе щеки, и я заставляю себя не морщиться от сладкого запаха ее парфюма. — Боже мой, ты выглядишь просто отвратительно, Катерина.

Я пропускаю мимо ушей ее комментарий по поводу моей внешности. В конце концов, она никогда не была мной довольна. А мне, в свою очередь, были всегда безразличны ее оценки.

Ну, почти всегда.

— Твой самолет сел четыре часа назад, что ты делала все это время?

— Пробки, — вру я, обнимая Мари за плечи. — Я не собираюсь ужинать сегодня в «Ормере», мама. У меня был десятичасовой перелет, и все, что я хочу, — это принять горячий душ и побыстрее заснуть.

Ее губы складываются в одну тонкую линию:

— Это не обсуждается. Тебя не было почти семь лет! Мы обязаны показаться все вместе сегодня. Всей семьей.

Я выгибаю бровь. Семьей, значит.

— Во-первых, я никому ничем не обязана, — говорю я безразлично. — Во-вторых, завтра у нас будет отличная возможность показаться на благотворительном вечере. Поэтому прошу меня извинить, я устала.

Я уже было двинулась в сторону лестницы, как в холле дома раздался ее недовольный голос:

— Кэт, ты же прекрасно знаешь, твоя репутация...

Я резко оборачиваюсь и перебиваю ее:

— Я знаю, мама. И мне нужно время, чтобы подготовиться к завтрашнему вечеру, — *морально подготовиться*. — Не заставляй меня идти против себя.

На ее красивом лице отражается неуверенность, но спустя недолгую паузу она все же кивает.

Сердце вновь начинает колотиться, стоило маме в очередной раз напомнить мне о вещах, которых я всячески старалась избегать.

Избегание — это так глупо, не правда ли? Однако многочисленные терапевтические сессии не приносили никаких результатов. По этой же причине я отказывалась от работы с супервизором, хотя от степени магистра по психологии меня отделяла лишь сдача последних экзаменов.

Я устало смотрю на свое отражение в зеркале. Непослушные волосы светло-русого оттенка, чересчур бледная кожа, серые глаза и темные круги под ними из-за ночной работы над дипломом. Мне и вправду стоит отдохнуть, если я хочу произвести на друзей отца хорошее впечатление.

«Если это вообще возможно», — гадко шепчет подсознание.

Но я уничтожаю все сомнения в зародыше, почти час стою под обжигающе-горячим душем и, забравшись под хрустящее белое одеяло, засыпаю.

Была ли я рада, что вернулась в Англию?

Нет.

Я была в ужасе.

Элгин, Шотландия.

Воспоминания.

Призрак

Мне страшно.

Мне чертовски страшно.

Высокие столетние деревья тянутся к темному небу, пока я, борясь с горящими легкими, продолжаю бежать. В темной чаще шотландского леса, сквозь которую едва проглядывает луна, наверняка водятся опасные хищники. И тем не менее на меня наводит ужас лишь один — тот, что гонится за мной.

По моим щекам текут слезы, я захлебываюсь ими, не сбавляя бешеного темпа.

Он выследит меня. Я знаю, он выследит меня, но я не сдамся.

Я не осторожничаю, пока несусь на всей скорости, стараясь часто менять направление.

Под кедами хрустят сломанные бурями ветки. Скорее всего, меня слышно за милю. Особенно из-за шумного дыхания и сумасшедшего сердцебиения, застрявшего где-то в горле. Однако я не собираюсь повторять одну и ту же ошибку дважды: если я спрячусь, он найдет меня.

Он всегда меня находил, потому что он чертов охотник.

Мои руки исцарапаны, а ноги ватные настолько, что я готова упасть навзничь и никогда больше не вставать. Но я не сдаюсь, продолжаю бежать, пока не слышу позади себя тихий смех.

Желудок проваливается куда-то вниз, и я задыхаюсь от страха, когда выхожу к реке.

Как это... как это возможно? До моего сознания доходит пугающая истина.

Нет, нет, нет... нет!

Черт возьми... Этот подонок специально загонял меня в тупик.

Мое сердце бешено бьется о грудную клетку, ледяной адреналин вгрызается в кожу.

Я чувствую его присутствие.

Он близко.

Он позади меня.

Резко свернув направо, я скольжу кедами по влажными камням, покрытым густым мхом, и, к моему ужасу, правая нога подворачивается. Я теряю равновесие и готовлюсь к болезненному падению, но сильные руки дергают меня на себя, выбивая из груди весь воздух.

— Поймал тебя. — Его голос, полный мрачных обещаний, ударяет меня, как хлыст.

Я чувствую за спиной его твердую грудь, которая мерно вздымается, будто он не гнался за мной чертовых пять миль.

Мой крик глушится его большой ладонью, закрывшей мне рот. Я бешено дышу через нос, дерусь, пытаюсь освободиться, но каждая попытка заканчивается провалом.

Меня разворачивают с невероятной легкостью и берут в плен мои запястья.

— Сейчас я уберу свою руку с твоего милого рта, и ты не издашь ни звука. Ты поняла меня?

Я яростно смотрю на него и хочу убить прямо на месте. Сквозь слезы я могу разглядеть лишь черные пустые глаза. *Глаза дьявола.*

Грудь высоко поднимается и опускается. Он медленно убирает руку с моего лица, нежным движением направляя выбившуюся прядь за ухо. Меня тошнит, все тело охватывает озноб, но, несмотря на парализующий страх, я произношу с ненавистью, прекрасно осознавая, что за этой вспышкой последует наказание:

— Да пошел ты!

Он смотрит на меня темными глазами. Такими темными, что мое дыхание обрывается.

— Я люблю твой гнев, — говорит он тихо. — Мне нравится, что ты продолжаешь бороться.

У моего кошмара даже не было лица: оно всегда прикрито маской. Все, что я знаю о нем: он *очень* высокий и *очень* сильный — отличное качество для серийного убийцы и психопата. И никаких отличительных признаков. Черная толстовка, джинсы и массивные ботинки.

Его взгляд падает на мои губы.

— Нет, — шепчу я.

— Неправильное слово, котенок. — Его голос понижается, а рука хватает меня за затылок, приближая мое лицо к нему. Я давлюсь воздухом, когда ощущаю чужое тяжелое дыхание. — Хочу твои губы. Везде.

— Пожалуйста, не надо, — дрожу я, слезы льются из глаз сплошным потоком, как и начавшийся дождь.

— Закрой глаза. И не открывай, пока я не скажу.

Я подчиняюсь, чтобы не видеть яростную тьму напротив. А затем вздрагиваю, ощутив чужой язык. Язык, который слизывает влагу с моих щек.

— Не плачь, Кэт, — шепчет он. Один громкий удар сердца, и хриплый голос говорит: — Мы еще не перешли к главному.

Примечание:

Мотив — внутренняя устойчивая психологическая причина поведения или поступка человека.

ГЛАВА 2

АДАПТАЦИЯ

*«...That I'd fallen for a lie
Что я купилась на ложь?
You were never on my side
Ты никогда не был на моей стороне.
Fool me once, fool me twice
Обманул меня раз, обмани и дважды»
Billie Eilish — No Time to Die*

**Лондон, Англия.
Настоящее время.
Призрак**

Я неподвижно лежу под тяжелым одеялом, чувствуя, как по щекам текут слезы. Конечно же, я понимала, что кошмары могут участиться, учитывая столь резкую смену обстановки и... иные обстоятельства, но одно дело — понимать, и совсем другое — видеть их наяву.

Дисплей телефона показывает 04:21, и я радуюсь, что мне удалось проспать практически всю ночь, не мучаясь при этом от бессонницы.

«Забудь об этом, Кэт, — прошу я себя, пожалуй, уже в тысячный раз. — Ты больше никогда *его* не увидишь. По крайней мере, лицом к лицу. Все закончилось семь лет назад. И подобное не повторится». Эта мысль приносит мне жалкое подобие спокойствия, я подготавливаю себе пенную ванну, чтобы согреть холодную кожу,

и, вставив в уши AirPods, слушаю «Unwritten» Наташи Бедингфилд.

К восьми часам утра я даже начинаю ощущать себя счастливым человеком. Моя кожа сияет, волосы уложены идеальной волной, а тело облегает невероятно мягкое кашемировое платье. Не хватает только кофе, но я быстро выполняю этот жизненно важный пункт и включаю кофемашину, чтобы приготовить себе капучино на кокосовом молоке.

Боже, как я люблю Мари. Наверняка именно она позаботилась о покупке альтернативного молока, потому что в этом доме только у меня была непереносимость.

Взгляд цепляется за брошюру благотворительного вечера. Неужели сегодня большинство моих проблем может решиться?

Допивая кофе, я понимаю, что мама не отстанет, пока мы не найдем мне идеальное платье. Если честно, я уже приобрела одно, когда была в Ванкувере, но вряд ли мой выбор удовлетворит вкусы Анны Рид. Ладно, я не так уж и против померить несколько вариантов, где-то в глубине души я знала, что соскучилась по этому. Нет, не по роскоши, скорее по... маме.

— Доброе утро, — говорит миссис Рид, усаживаясь на стул передо мной. — Не подашь мне апельсиновый сок?

Конечно же, я заметила, что в доме не было никакой прислуги, кроме персонала из клининга, но девушка ушла быстрее, чем я успела попросить ее приготовить мне завтрак.

— Какой у нас план на сегодня? — спрашиваю я, наливая ей сок.

Моя рука дергается, когда она отвечает:

— Он будет на благотворительном вечере.

Я сглатываю, стараясь всеми силами сохранить невозмутимое выражение лица. Мама смотрит на меня нервным взглядом, я хмурюсь.

— Вероятно, он будет одним из спонсоров, — продолжает она, прищурившись.

— Мне нужно будет с ним разговаривать? — Мое дыхание прерывается.

— Нет, господи. Конечно же, нет.

Я облегченно выдыхаю.

— Но тебе придется пожать ему руку.

— Нет. — Я мотаю головой, излишне громко ставя стакан на мраморную столешницу. — Этому не бывать.

— Но, Катерина...

— Нет, мама, — с нажимом произношу я. — Я сделаю все что угодно ради клиники. Все что угодно, ты знаешь. Но от Сноу я буду держаться подальше.

Ну вот. Я все-таки произнесла имя своего персонального кошмара. Это не так уж и трудно. Еще бы руки не дрожали — и было бы совсем замечательно.

Я предпочитаю сменить тему:

— Ты все еще работаешь с Джессикой?

Ранее именно Джессика Нортон одевала нас на все важные вечера, но я не была уверена, был ли сейчас этот высокооплачиваемый стилист нам по карману.

Мама морщится едва-едва заметно, но этого хватает, чтобы я наконец увидела в ней человека. *Живого* человека. В идеально выглаженных брюках, белоснежной блузке и с пучком блондинистых волос, которые лежали волосок к волоску. Иногда мне казалось, что Анна Рид была роботом. Впрочем, так думала не только я.

— Нет, больше нет, — отвечает она сухо. — Я пригласила Эмму Кларк.

— Эмму? — удивляюсь я. — Мою одноклассницу?

Сердце делает радостный кульбит. Если честно, я была счастлива услышать про мою давнюю подругу со времен Кингстона. Эмма Кларк и Эль Смит — единственные, кто не отвернулся от меня... в тот день. И хоть после моего отъезда в Канаду мы больше не общались, я бы хотела увидеть их снова.

Она кивает и хмуро смотрит на сэндвич у меня в руке:

— Ты же не думаешь съесть его, Катерина?

— Именно это я и собираюсь сделать, мама.

Она выхватывает из моей руки сэндвич, прежде чем я успеваю поднести его ко рту:

— Ты должна выглядеть идеально! Никаких углеводов до вечера. А лучше вообще никакой еды!